

М и х а и л К н и ж н и к

ПОСЛЕДНИЙ СЕАНС

Часть первая

1.

Борис Синельщиков заметил Свету Сеницыну на вступительных экзаменах.

Вокруг все колготилось и кипело. Нервический гул стоял над площадью перед корпусом, где принимали экзамены. Борис еще не знал, что небольшую эту площадь с несколькими старыми соснами и гипсовым посеребренным Лениным студенты называют «Пятак».

Повсюду были газеты с квадратиками портретов в скорбных рамках на первых полосах — в те дни при столкновении двух самолетов погибла вся команда «Пахтакор».

Какая-то дама с высокой блондинистой «халой» на голове кормила сына бутербродом с черной икрой. Борис переглянулся с отцом. Они умели так, взглядом, заметить, показать и обсудить смешное.

Ничего удивительного в том, что он заметил Свету Сеницыну, не было. Это она навещала его пубертатные сны: высокая, тонкая, с прямыми светлыми волосами и взглядом, смотревшим прямо вовнутрь, в те самые сны.

Одна она была потому, что жила не в Ташкенте, как могло показаться стороннему взгляду, а в Сырдарьинской области, давно привыкла к самостоятельности, к прохладности родительской опеки и любви.

В следующий раз они столкнулись в библиотеке. Перед началом учебного года выдавали тонну учебников. Опять было многолюдно и шумно, но радостно: поступили. И нужно было постараться получить не очень затрепанные книжки, чтобы листы не разлета-

лись. Света предусмотрительно и практично пришла со спортивной сумкой, остальные вышагивали, неся стопки книг перед собой и придерживая верхнюю подбородком, как студенты-недотепы из беззубых комедий ранних пятидесятых.

Борис со Светой оказались в разных группах, но на одном потоке, поэтому виделись только на лекциях. Они обменивались долгими трассирующими взглядами, но заговорить не решались. Света выделила Бориса, поскольку в Гулистане не водилось таких парней. При хорошем росте, пловцом развороте плеч и буйно кудрявой голове он имел взгляд не наглый, легко смущался.

По институту ходили слухи о приближающемся выезде на хлопок. «Областным» даже дали несколько дней съездить домой за теплыми вещами. Света тоже съездила и вернулась.

На лекции по органической химии вдруг в зал ворвался Мишка, рванув створки высоких, уцелевших от кадетского корпуса дверей, она успела посмотреть на Борю, тот — на нее. Мишка от дверей крикнул, как матрос Железняк:

— Именем декана занятия прекращаются! Завтра — на хлопок!

Тот взгляд все и решил. Рефлекторной реакцией на тревогу, на опасность она искала его, а он — ее.

2.

В назначенный день вереница автобусов выехала из ворот мединститута, от старого здания, похожего на большой корабль. Вокруг здания-корабля был разбит огромный парк, между деревьев которого вполне вольготно поместились здания клиник и теоретических кафедр.

Ехали по пустоватому городу. Только на остановках толпились люди в напрасном ожидании автобусов, они и смотрели вослед кавалькаде.

За кольцевой начались хлопковые поля. Изредка мелькали сад или придорожная чайхана в окружении струнких азиатских тополей или мускулистых коренастых карагачей.

3.

Расселили по три группы на один барак, два барака на поток, четыре — на курс. Бараками назывались типовые полевые станы, несшие на себе отпечаток хрущевской попытки индустриализации сельского хозяйства, попытки вогнать стихийное, природное это дело в стандартные рамки. Отстояли они друг от друга километра на три-четыре, меньше часа ходьбы, если бы не искусственные каналы-сбросы и бетонные желоба, именуемые лотками, поперек дороги.

Типовой барак состоял из одной большой комнаты, одной маленькой, в которую попадали через большую, и еще одной маленькой комнаты со входом с другой стороны. В большой комнате стояли три ряда сколоченных из досок двухэтажных нар. Два ряда заняли девочки, один — достался парням, таков был гендерный баланс в медицинском институте. Во внутренней маленькой комнате поселились два бригадира: Пулатов с кафедры госпитальной хирургии и Таджибеков с гистологии. Через день к ним подселили курсанта высшей школы милиции Мавлянова, туркмена из Чарджоу, он должен был следить за порядком и законностью. В наружной маленькой комнате разместился склад. Там стояли бидоны с хлопковым темным маслом, мешки с солдатским бесформенным рафинадом и с рисом.

Под толевым навесом были вмазаны в глиняные очаги два казана. Среди казанов воцарился одноклассник Бориса — Абдулла, парень из бухарского райцентра. Если существует понятие «врожденная интеллигентность», то оно подходило Абдулле как никому. Он со всеми разговаривал уважительно, но без восточного подбострастия. Был честен, старался помочь, совесть его страдала, когда видел несправедливость. Если все повара подворовывали, то Абдулла по приезде стал развязывать мешочки со специями, которые привез из дома. В отличие от ташкентских, он еще школьником собирал хлопок и знал, как однообразна и безрадостна казенная кормежка.

Колодцем служила врытая стоймя бетонная труба, на метр выступавшая из земли. Раз в день трактор привозил бочку и наполнял трубу.

На удалении, над небрежной ямой, вырытой двумя взмахами экскаваторного ковша, была сооружена из досок будка без крыши,

обтянутая грубой мешковиной. Будка была отдана девушкам. Парням для тех же надобностей предоставлялись окрестные поля.

4.

.....

5.

Вернулись они месяца через полтора. Был конец ноября, листья еще не все опали, но все — промокли, желтые и прореженные, они тяжело шелестели на деревьях парка Тельмана.

Борис встретился со Светой под аркой главного входа. Он уже отвык видеть ее без ватника-телогрейки и не замотанную по глаза в платок, сначала от пыли, а потом уже и от холода. Ему самому хотелось летать — и оттого, что на смену кирзачам пришли новенькие «саламандры», и потому, что он был со Светой вдвоем, мог коснуться ее руки и даже, о боже, поцеловать.

Все хлопковые дни они были рядом, собирали в соседних рядах, разговаривали, он читал ей стихи поэтов, имена которых она не слышала прежде:

Парк культуры и отдыха имени
Совершенно не помню кого...
В молодом неуверенном инее
Деревянные стенды кино.

Жестким ветром афиши обглоданы,
Возле кассы томительно ждут,
Все билеты действительно проданы,
До начала пятнадцать минут.

Над кино моросьянка осенняя,
В репродукторе хриплый романс.
Весь кошмар моего положения
В том, что это последний сеанс.

Он относил ее фартуки, полные хлопка, вместе со своими, гораздо менее полными, сдавать к тележке с высокими бортами, стоявшей в центре поля.

По вечерам они разделялись, она была с девчонками — Риткой Гальпериной и Альфией Гафитуллиной. А он — с парнями: Мишкой, Нодиром, Рубеном. Но иногда, столкнувшись у кипятильников-титанов или под лампочкой, горевшей над входом в барак, они прилипали друг к другу в разговоре, важнее которого, им казалось, нет на свете. Но прикоснуться друг к другу не решались. Еще, может быть, потому, что ощущение телесной нечистоты у них, привыкших к городскому комфорту, было постоянным: за полтора месяца был лишь один выезд в совхозную баню. Да и то поехали не все. «По грибки?» — спросил Рубен.

С хлопка первокурсники вернулись уже не разобщенными и одуревшими, какими были в сентябре. Октябрь простегал факультет дружбами, симпатиями, влюбленностями и неприязнями на долгие годы вперед, иногда и на всю жизнь.

6.

Из парка они пошли в кино, в «тридцатку». В кинотеатре «30 лет комсомола» при желании еще можно было разглядеть Дворянское собрание и последнюю сцену Комиссаржевской. День был рабочий, сеанс ранний, зал полупустой. Они стали целоваться еще на «Новостях дня», киножурнале, который предварял некий фильм. На экран так и не взглянули.

Потом долго шлялись по городу, дошли до Сквера, по Карла Маркса — до Дворца пионеров, прошли мимо уже погасших фонтанов, вернулись по Карла Маркса, он уговаривал ее зайти, но она отказывалась, стеснялась. Потом Борис долго провожал Свету. Как деревенский ухажер, он стоял возле дощатой калитки у совсем русского палисадника в переулке за улицей имени Финкельштейна, туркестанского комиссара, где у хозяйственной и суровой Галины Степановны, чем-то напоминавшей Свете ее собственную маму, та снимала комнату.

Покойный муж Галины Степановны некогда работал с Андреем Николаевичем Синицыным, потом переехал в Ташкент, с повышением, обещанную квартиру в строящемся ведомственном доме ждать не стал, не привык жить далеко от земли, купил дом на Первушке, а год тому скончался от рака тут же неподалеку, в хирургии старого ТашМИ, и похоронен на Боткинском, все на расстоянии пешего перехода. Гулистанские, покинув город, связь между собой не теряли, помогали друг дружке, как могли. Поэтому, когда дочь Андрея Николаевича поступила в мединститут, Галина Степановна охотно откликнулась на просьбу сдать ей комнату. Жила она одна, замужняя дочь давно переехала в Россию. И девочке — близко, и лучше, чем в неприютной общаге на краю города.

7.

Занятия возобновились на следующий день. На лекциях Света с Борисом уже сидели рядом, не стеснясь и не таясь.

После лекций Борис все же зазвал Свету к себе. Родители были на службе, баба Катя кормила их обедом, расспрашивала про учебу.

Жил Борис тоже недалеко от института, но в другой стороне. Квартира Синельщиковых располагалась на третьем этаже укрытого деревьями кирпичного четырехэтажного дома с большими застекленными лоджиями в тихом переулке за улицей Жуковского, неподалеку от зоопарка. Место называлось в городе «царским селом», но таких «сел» было в Ташкенте несколько, побольше, чем в Ленинграде. Светские барышни с первого лечфака могли пожаловаться, куря утром на Пятаке:

— Не спала всю ночь, рычали львы.

Квартиру эту получил еще дед Бориса, Исаак Борисович Синельщиков, когда сломали дом на Большой Мирабадской. Исаак Борисович был большим строительным начальником, но это в конце. А всю жизнь до того он был невысоким, коренастым человеком с бешеным характером, бритой круглой головой, прокаленной разными солнцами, крикливым узким ртом, полным матерщины.

В 1938-м Исаак закончил десятилетку в родном Липовце, через год поступил в харьковский инженерно-строительный. Закончил два курса, но воевать пошел не инженером и не строителем, а вовсе кавале-

ристом. Сначала под командованием еврея Доватора, потом то ли осетина, то ли ингуша Иссы Плиева, испортившего себе биографию уже в мирное время; и до конца своей войны, до ранения в живот — под командованием русского Крюкова, мужа великой Руслановой. Дослужился до капитана, был представлен к Славе первой степени, но не получил. Третья и вторая степень у него были. Из госпиталя выписался в 43-м без полутора метров тонкой кишки и без доли печени — истаявший в долгом перитоните, но живой. Комиссованный подчистую поехал в Узбекистан, доучиваться, знал, что ХИСИ эвакуирован в Чирчик. Здесь же он увидел Катю Бург, дочку высланного из Москвы немца, профессора химии. Отец Кати до места не доехал, умер в пути, а Екатерина работала учительницей всего, кроме узбекского языка, в местной восьмилетке. Влюбился безумно. И пролюбил ее так всю свою жизнь; когда видел ее, у него голос менялся. С такой же неистойвой местечковой сентиментальностью он любил, кроме жены, только единственного своего внука Бореньку. Своего первенца, Бориного отца, родившегося уже в 44-м, и умершую подростком от лейкемии, или как тогда говорили — белокровия, дочку он любил ровно и требовательно.

Институт вскоре вернулся в Харьков, Синельщиков остался. Он стал работать на строительстве ирригационных каналов, мотался по Голодной степи, часто на привычной коняге, машин не хватало.

Сразу после войны Исаак съездил в Липовец и больше никогда, никогда там не был.

Екатерина Владимировна (хотя на самом деле профессора звали Вильгельмом) настояла и на переезде в Ташкент, и на том, чтобы Исаак Борисович закончил учебу на инженера-строителя, и сама закончила университет. За неуклонным ростом его карьеры ощущалась она, ее поддержка, ее арматура. Они купили небольшую мазанку на хорошем участке недалеко от Госпитального базара. Не сразу, но поставили просторный дом. Борис успел потопать детскими ножками по прочным доскам его пола. Даже успел пойти в первый класс. Отдали его рано, еще семи не было, дед настаивал. Говорил, что нужен дополнительный год для поступления. Он, фронтовик, очень не хотел, чтобы внук пошел в армию. И хотя казалось, что до той поры еще целая жизнь, дед оказался прав. 146-я школа была напротив Парка Первого мая, в двух шагах от их дома. Но проучился он там только один год — расширяли дорогу, дом снесли, и Синельщиконы переехали в квартиру на Жуковскую.

Бориса определили в новенькую 110-ю, про которую в городе говорили: «школа особо одаренных родителей».

Дед умер, ткнулся лицом в раскрытую книгу про Джина Грина, «скорая» не успела приехать. Борис тогда заканчивал школу, готовился к выпускным экзаменам, к поступлению, ездил к двум репетиторам, на Алайский и на Актепе, ловил слухи, которыми окутаны вступительные экзамены. Смерть деда огорчила его, но не произвела большого опустошения в душе.

Потом, с годами, Борис наткнулся на необходимость спросить деда, расспросить. И про застрявший в детской памяти отрывок разговора, в подпитии вечером под виноградником во дворе на Большой Мирабадской:

— С немцами я воевал, они были враги. Но отца с мамой, и сестер, и племянников убили не немцы. Соседи убили, украинцы, поляки. А с украинцами и поляками я не воевал...

И про картуз, который дед надевал, когда ходил на праздники в синагогу, спросил бы. И про то, что он понимал в сером молитвеннике, изданном в Вильно в 1902 году. И про канувшую в Липовце семью. Но увы.

Министерство хотело похоронить деда на Коммунистическом, но оказалось, что он давно трезво купил места на Домбрабаде, рядом с могилой дочери. Перечить не стали. Хоронили по еврейскому обряду, бабушка распорядилась. В Ташкенте всегда подспудно признавалось за человеком право соблюдать свои ритуалы.

8.

— Какая у тебя бабушка добрая, — сказала Света, когда они закрыли дверь в комнате Бориса.

— Она добрая, пока ты правильно говоришь по-русски. А как только скажешь «ложить», она страшно расสวิрепееет. А вообще баба Катя — начальник семьи. Баронесса остзейская.

Увидев Светино удивленное недоверие, добавил:

— Нет, она и вправду фон Бург, из немецких баронов.

Когда Борис, проводив Свету и отстояв с нею у калитки Галины Степановны, вернулся домой, Екатерина Владимировна сказала ему вполголоса:

— Хорошая девочка. На меня молодую похожа.

Борис ее не понял. Он еще не умел разглядеть в старушке бывшую девушку или понять, глядя на девушку, какой она будет в старости. Для этого нужны годы и внимательность в разглядывании жизни.

9.

Любовниками они стали к весне, все к тому шло, они уже изнемогли от взаимного мучительства, а тут еще Галина Степановна уехала в Белгород, проведать родившую дочку.

Бориса, не вернувшегося после очередного провожания, дома ждала головомойка от смертельно встревоженных родителей. Но он был так откровенно, так неприкрыто счастлив, что головомойки не получилось.

Хозяйка гостила два месяца, ставшие для них медовыми. Они просто не могли оторваться друг от дружки, но при этом умудряясь как-то сдавать муторные химии и физики первого курса.

Особо лютовали в летнюю сессию на физике (кафедрой заведовал лысый и прямой Сайран Джалилович, сокращенно — СД, по прозвищу «Прошу поставить заголовок») и на неорганической химии, где царила кокетливая и недобрая Сталина Салиховна, сокращенно — СС. В ходу было присловье, что только тот, кто миновал СС и СД, может считать себя студентом.

И Света, и Борис легко сдали летнюю сессию на отлично, обеспечив себе повышенную пятидесятирублевую стипендию на следующий семестр. Так вышло то ли за счет сумасшедшей подготовки, которая была перед вступительными, то ли гормон счастья бродил в их крови и делал все преграды незаметными.

Потом был месяц мутной трудовой повинности на заводе «Фотон». Проверяли какие-то мелкие детали на наличие трещин. Работяги норовили втихаря слить страшный, пахнувший смертью спирт, в который полагалось бросать детали после проверки.

Завод был недалеко от Сквера, после работы пили молочный коктейль в «Буратино» или белое вино «Баян-Ширей» в стекляшке под чинарами, а когда темнело, перебирались в летний киноте-

атр «Хива». Им нужно было разговаривать, смотреть друг на друга, прикасаться, пусть даже локтями.

Борис знал, что родители его не в восторге от Светы. Им виделась иная партия: девочка из их круга, еврейка. Но вслух ничего не произносилось, все только подразумевалось, лишь иногда всплывало намеком, обменом внятыми в сплоченной семье кодами, ироничной оговоркой, на которые отец был мастер. Борис чувствовал атмосферу дома, но это ему не мешало: воодушевление, переполнявшие его нежность, страсть, радость были гораздо важнее родительского одобрения. Кроме того, он уже был достаточно взрослым и достаточно врачом, чтобы понимать: ранняя женитьба родителей — они поженились после второго курса — была обусловлена не только романтическими мотивами.

10.

В августе, ближе к середине, они уехали вдвоем на Иссык-Куль. Деньги подкинули родители, на «Фотоне» их нагло обманули и заплестили сущие копейки.

За Кошколом сняли хибарку, сарай, но у самой воды. Купались, загорали, ходили на базарчик, покупали фрукты, каймак. Ночи были сумасшедшие, бессонные, ненасытные. Загорели, похудели, устали.

Последнюю неделю перед началом занятий провели порознь. Света уехала в Гулистан, родители нервничали. Борис отсыпался под бабушкиным присмотром. И рычащие львы ему не мешали.

11.

Первого сентября встретились на Пятаке. Тонкий слой взаимной усталости проложил радость их встречи.

А в конце сентября Света сказала, что задержка уже три недели. И Борис понял, почему так полна и сладка стала ее грудь. Она внимательно следила за ним, а он бормотал невнятное, стирал испарину со лба, взгляд стал суетливым.

Слово «аборт» всплыло в их судорожных разговорах, двух напуганных детей, лишь на второй день.

Нашли какой-то захудалый роддом на Карасу, Свете было важно, чтобы там не было базы ни ТашМИ, ни педиатрического, чтобы студенты не шлялись по коридорам. Процедуру назначили на 20-е октября, понедельник, деньги — 50 рублей — достал Борис, баба Катя дала. Он врал ей несусветное, кажется, она что-то поняла, смотрела строго, но денег дала.

А 17-го объявили, что в понедельник выезд на хлопок. Они сидели в парке Тельмана на зрительской скамейке перед навсегда опустевшей эстрадой-раковиной, время которой минуло еще лет двадцать назад. Опустошенные и несчастные, они смотрели друг на друга, хотя им совсем не хотелось сейчас смотреть друг на друга.

— Езжай, — с трудом разлепляя губы, сказала Света. — Пойду сама. Дня на три справку должны дать. Я к концу недели приеду.

— Как же ты одна пойдешь?

— Езжай.

12.

Через неделю Света не приехала. Он надеялся, что она придет в понедельник.

Во вторник рано утром Борис сбежал в Ташкент. Для мединститута побег с хлопка был синонимом отчисления. Отчисление было синонимом призыва. Призыв был синонимом Афганистана.

На попутках он добрался до города. В сапогах и ватнике пришел на Первушку. У ворот стоял красный «москвич». Галина Степановна вышла на стук. В доме сидели Синицины и угрюмо смотрели на Бориса.

Света была в реанимации, там, в роддоме на Карасу. В прошлый понедельник вечером у нее поднялась температура, стал тряссти озноб, а через час она потеряла сознание. Скорая приехала быстро, давление как-то подняли, но повезли не в ТашМИ, до которого было рукой подать, а на Карасу, выписка из роддома лежала на столе вместе со справкой о трехдневном освобождении от работы.

В роддоме ей стало хуже, сознание спутанное, давление не хотело стабилизироваться. Гемоглобин был нормальным, значит, не кровотечение. Собирались убирать матку, но тянули. Кто-то позво-

нил профессору Когану. Старику было далеко за 80, но он работал, консультировал, никогда не отказывал в помощи. Абрам Аронович приехал на такси, маленький, с высоко поднятой седой головой, долго читал историю, мял живот, нюхал свои, вытащенные из Светы пальцы. Велел сменить антибиотики и, если в течение суток не будет улучшения, убирать матку.

На следующее утро стало лучше.

13.

На красном «москвиче» Андрея Николаевича они поехали на Карасу. Синицыных в реанимацию пускали дважды в день, это было распоряжение главврача, он знал, что произошедшее со Светой — это их осложнение.

Света страшно изменилась за неделю, что Борис ее не видел. Черные тени вокруг пустых глаз, белые губы, мертвые волосы. Она посмотрела на Бориса и сказала:

— Ненавижу! Чтобы я тебя больше никогда не видела.

И отвернулась.

К ночи Борис, не зайдя домой, приехал обратно, а утром вышел в поле. Бригадир, Рахимов с топанатомии, посмотрел на его хлопкового оттенка лицо и никому ничего не сказал.

14.

Когда вернулись с хлопка, то выяснилось, что Света Синицына взяла академотпуск и уехала домой, в Гулистан.

Часть вторая

1.

Распределение на втором лечфаке проходило под трансляцию похорон Черненко. Почти никто не смотрел за однообразным и приевшимся спектаклем. Он исполнялся в третий раз за короткое время, и казалось, что труппа, труппа труппа, играет его все с меньшим воодушевлением.

Борис хотел быть кардиологом и надеялся на распределение в институт кардиологии, но вышло иначе — его направили терапевтом в «неотложку», больницу скорой помощи на Чиланзаре. Хорошо хоть, что не услали в кишлак, как Мишку. Но у Бориса в деле лежала справка, что его жена — студентка, и такая бумага гарантировала, что хоть в городе-то оставят. Рубена распределили в урологию 16-й горбольницы, сработали армянские связи, а Нодира, который тоже собирался в кардиологию, направили рентгенологом в институт онкологии.

2.

Жил Борис с женой Ириной и годовалой дочкой у родителей жены в доме сталинской постройки на Шота Руставели, ближе к Текстилю. Ему не очень нравилось жить с Зильберштейнами, про которых отец Бориса за глаза шутил, что у них даже в фамилии удвоенное еврейство, антисемитам хватило бы даже половины. Но после рождения дочки Ира вернулась на занятия в своем инязе, и теща, ушедшая на раннюю пенсию по так называемой «выслуге лет» (была у школьных учителей такая привилегия), сидела с внучкой. Да и тесть со своими «жигулями»-шестеркой модного цвета беж или, как говорили в городе, «кофе с молоком», всегда был готов служить семье в качестве шофера и развозчика.

С родителями Борис виделся теперь нечасто, хотя перезванивался ежедневно. Он знал, что баба Катя скучает по нему и по правнучке. Но Ирина не любила бывать у Синельщиковых и старалась найти повод, чтобы отложить визит.

3.

Свету он видел всего несколько раз. Через год она вернулась на второй курс, но перевелась на первый лечфак. Борис уже был на третьем курсе, началась клиника, разъезды. Тем более, что у второго лечебного клинические базы были разбросаны по всему городу, в то время как большинство кафедр первого лечфака были сконцентрированы на окраине в бесприютном, открытом всем ветрам Новом ТашМИ. Так что шансов столкнуться в институте было немного. Раз он видел ее в «Ильхоме» на спектакле «Дракон», она была с Петей Калашниковым, институтской знаменитостью, умницей и красавцем. Петя — пловец, чемпион, высокий, широкоплечий, по-американски плоский, с нервным, ужасно располагавшим к себе лицом. Про Петиного деда ташминские люди «с понятиями» говорили, что старейший рентгенолог был прототипом одного из героев опасного романа «Раковый корпус». Борис знал Петю еще до института, они сталкивались не раз в бассейне Митрофанова, даже когда-то участвовали в одних и тех же соревнованиях, хотя Борис выше первого юношеского разряда так и не поднялся.

Потом от Риты Гальпериной Борис узнал, что Света, как это говорили, встречается с арабом с ее курса, на первом лечфаке учились иностранные студенты с Ближнего Востока и из Африки. Араба звали сказочно — Алладином, был он мелок и незаметен. Ритка смотрела на Бориса внимательно и пытливо, когда рассказывала ему про это. Но он был уже не тот, что на первом курсе, смутить его было непросто.

Однажды, как бы гуляя, как бы без цели, он забрел в шанхай за улицей Финкельштейна. Над районом уже витал дух грядущего сноса: все менее ухоженные палисадники, все более облупившиеся рамы и калитки, все больше трещин на стенах. У дома Галины Степановны копошилось несколько узбекских детишек.

— Галина Сергеевна-то? — переспросила соседка. — Да уже года два как продала все и уехала в Белгород.

4.

Служба Борису не нравилась. Много текущей, примитивной работы, хронические пациенты, которые либо стабилизировались при помощи простых приемов, либо умирали. Времени на обдумывание сложных случаев не было. Обследование самое незамысловатое. Потратив много времени еще в интернатуре на углубленное изучение электрокардиограмм в надежде на кардиологию, Борис чувствовал, что вопросы перед ним стоят самые что ни на есть тривиальные: инфаркт — не инфаркт, трепетание желудочков—предсердий, а знание усыхает и скукоживается.

Дежурства были беспокойные, ночью поступали больные из приемного покоя. Платили мало. Поборов с пациентов он стеснялся, не брал, а благодарные подношения при выписке случались нечасто, публика небогатая — дальние кварталы Чиланзара. Родители помогали и с той стороны, и с этой. Но ни об отдельной квартире, ни о пусть даже подержанной машине мечтать не приходилось.

5.

Рано утром позвонила мама. Ранний звонок встревожил Бориса: так звонят, когда не боятся разбудить, а опасаются не застать до ухода на работу.

— У нас был обыск, — сказала она и положила трубку.

Позвонив на службу, Борис поймал такси и прилетел на Жуковскую. Дома царил беспорядок, который могут сделать лишь чужие руки. Родители были бледны, ошеломлены, потеряны. Одна лишь Екатерина Владимировна невозмутимо спросила:

— Боренька, ты завтракал?

Пришли в три ночи и пробыли до утра, ничего не взяли. Борис боялся, что добрались до его чреватых большими неприятностями залежей — пачки фотокопий «Технологии власти», ардисовского тоненького сборника Гумилева и отпечатанного на «Эре» «Бодался теленок с дубом» — они стояли во втором ряду на книжных полках в его комнате. Но ничего не тронули, видно, искали другое.

Владимир Исаакович Синельщиков был небольшим начальником, заместителем директора автобазы. Фактически руководил он, поскольку директор исполнял функции представительские. «Ученый еврей при губернаторе», — называл Владимир Исаакович свою должность. Беда была в том, что автобаза принадлежала хлопковому министерству, а в Ташкент приехала бригада московских сыщиков, искавших виноватых именно по хлопковой части.

Отца стали вызывать на допросы, долгие, изнурительные. Он возвращался домой похудевшим, словно ссохшимся, и только повторял:

— Они ничего не понимают, они ничего не понимают про республику.

6.

Новый 1988 год Борис с Ириной встречали с друзьями у Мишки. Теща осталась с Анечкой, ей уже был годик. Были все институтские: Нодир, недавно женившийся Рубен, Ритка, Альфия, всего человек пятнадцать. Танцевали, было шумно и угарно.

Первого вечером пошли на Жуковскую, поздравить родителей, дарить и получать подарки. Борис обратил внимание, что у отца пожелтели белки глаз.

— Как ты себя чувствуешь? — как бы между делом спросил он.

— Не чувствую, — отшутился Владимир Исаакович.

7.

Анализы были плохие. В перечне возможных диагнозов, подходящих к такой желтухе, никаких хороших вариантов не было.

Борис позвонил Пете Калашникову. Тот стал рентгенологом, пошел по стопам деда и в последние годы работал в военном госпитале на одной из немногих в городе установок компьютерной томографии. Петя никогда в помощи не отказывал. Сам вышел к воротам встречать, чтобы охрана не придиралась. На ходу перебросились парой фраз: кого из наших видишь, где кто. Про Свету Борис не спросил. Тот сам сказал:

— Светку Сеницыну помнишь? Вышла замуж за Алладина и уехала к нему.

Борис хотел съязвить, что Алладин ему до лампочки, но промолчал. Никогда прежде он с Петей о Свете не разговаривал, не знал, что тому известно об их отношениях, он не хотел плохо выглядеть в Петиних глазах.

Результат томографии подтвердил худшие опасения. Большая опухоль поджелудочной железы, в печени полно метастазов.

8.

Об операции речи не шло. Отправили в институт онкологии возле «Юбилейного», Дворца спорта, в который Владимир Исаакович некогда водил маленького Борю на новогодние ледовые представления, там обязательно был медведь, катавшийся на коньках.

Стали делать тяжелую химию, от которой лезли волосы, рвало сутки напролет и губы покрывались кровавой коростой. Нодир помогал, сидел с отцом, утешал, успокаивал, носил из дома компот из кислых вишен.

Сначала вроде помогало, желтуха стала уменьшаться. Но потом все снова навалилось.

9.

В сентябре Владимира Исааковича похоронили на Домбрабаде, рядом с отцом и младшей сестрой.

Борис чаще стал бывать в родительском доме. Жалел маму, а особенно — бабушку. Та вдруг стала старенькая-старенькая. Беззвучно плакала, когда на нее не смотрели.

Борис оставался у них ночевать. Ирина не пререкалась, понимала.

А через год мама объявила, что выходит замуж и уезжает в Америку. Какой-то ее одноклассник по «полтиннику», 50-й школе, оказывается, был безнадежно влюблен в нее все годы, а сейчас развелся и сделал ей предложение. А насчет Америки у него все решено, у него там сестра уже много лет, так она готова их вы-

звать и стать гарантом. Борис прикрыл глаза, ему казалось, что мать бредит.

Он ничего не сказал, просил время переварить новость.

— Зачем в пятьдесят лет выходить замуж? — сказала ему перед сном Ирина. — Может, они еще и сексом собираются заниматься?!

Она прыснула. Мысль действительно выглядела дикой.

Екатерина Владимировна наутро позвонила в отделение, как раз после обхода, медсестра прибежала за ним в ординаторскую.

— Не мешай маме, — сказала бабушка. И не стала ничего объяснять.

10.

Перед отъездом мама сказала:

— Мы устроимся, я тебя вызову.

Они стояли у высокого столика, где заполняли декларации. Раньше такие столики стояли в гастрономах, возле них пили томатный сок, размешивая алюминиевой ложечкой соль из поллитровой банки. Под столешницей был обруч с бульбочками, чтобы вешать сумки. Потом такие столы исчезли, а здесь, в Шереметьево, еще сохранились.

— Это будет непросто, — ответил Борис. — Американцы принимают родителей, приезжающих к детям, но не любят детей, приезжающих к родителям, я узнавал. А потом, мне нравится лечить, я там просто не сдам экзаменов, в этой Америке. Да и бабуку не возьмут, она тебе даже не родственница по их понятиям.

— Бабка не вечная.

— Вот это жаль. Вот это, правда, очень жаль.

Он обнял мать и почувствовал, что может заплакать. Но не заплакал.

11.

После маминого отъезда Борис с семьей переехал на Жуковскую. Ирина не возражала, даже ей стала мешать слишком назой-

ливая родительская опека. И на работу она могла ходить пешком. После окончания института она не без родительских связей устроилась переводчиком в Радиокomiteте на Первомайской.

Бабушка присматривала за Аней, водила в зоопарк и на органические концерты в отреставрированную лютеранскую кирху. В зоопарке Ане нравилось больше, но цветные стекла витражей примирились ее со скукой торжественной музыки.

С Ириной Екатерина Владимировна ладила, она со всеми ладила, считая, что домашнее спокойствие если и нарушать, то только по очень важным, главным причинам. А Борис как-то особо нежно стал любить бабушку, понимая, что она последний оставшийся у него человек из прежней жизни.

Они выписывали «Огонек» и много «толстых» журналов. В каждом номере было что-то интересное, знакомое прежде по слепым копиям самиздата или вовсе незнакомое. Обсуждали по вечерам за чаем или за вечерней дыней.

12.

В Радиокomiteте появился новый человек, Игорь Бершадский, москвич. Приехал налаживать какое-то мудреное студийное оборудование.

Оборудование было немецкое, закупленное Всесоюзным радио несколько лет назад для республик и наконец доехавшее до Ташкента. Но ГДР уже все пристальнее смотрела в сторону федеративной сестры, и за наладку запросили валютой. Валюты не было, или не хотели платить, поэтому нашли своего специалиста, помогавшего немцам с наладкой в Таллине и Ереване, и командировали в Ташкент.

Ира приходила с работы воодушевленная, говорила об Игоре, пересказывала их разговоры, его остроты. Она помогала заезжему гостю с переводом инструкций и как-то предложила в выходные позвать Бершадского на ужин, ведь у него никого нет в Ташкенте. Борис ходил на Алайский. Екатерина Владимировна с Ирой лепили манты.

Бершадский оказался высоким, сутулым, каким-то несуразным. Лицо имел смуглое с большим носом и массивным подбородком,

усиленным клиновидной, тонко обводящей скулы, бородкой. Волос у него был черный, отчасти кудрявый, отчасти всклокоченный. К тому же он все время немного посмеивался, подхихикивал, как бы про себя.

«Какой-то уцененный Мефистофель», — подумал Борис.

За столом Игорь солировал, периодически пощелкивая пальцами и обращаясь к Ирине, переходил на английский, словно прося ее подсказать ускользающее русское слово. Баба Катя внимательно и безмолвно слушала гостя. А Борис горько наткнулся на отсутствие отца, с которым было бы хорошо сейчас переглянуться. Рассказывал Игорь о своей недавней поездке в Израиль, у него там была родня. Дипотношения еще не восстановили, но уже стали пускать. Сыпал названиями, непонятными выражениями «тахана мерказит», «купат холим». Борис удивленно отметил про себя, что, хотя многие названия он слышал впервые, они не были для него чужими. Цфат, Эйлат, Ашкелон.

После ухода гостя за мытьем посуды Ирина рассказала, что Игорь подал документы на выезд, но опасается, что могут отказать.

13.

Через неделю Борис заметил, что рассказы Ирины про Игоря прекратились. Еще через неделю он спросил:

— Московский гость отбыл?

— Нет, — ответила Ира. — Работает.

Борис усмехнулся, но ничего не сказал. Ира видела его усмешку и тоже промолчала.

14.

Окружающая жизнь продолжала усыхать, скукоживаться. Денег катастрофически не хватало. Зарплата Бориса вместе с дежурствами равнялась по базарному курсу десяти долларам.

На Алайском старик-торговец, глядя, как Борис пытается совладать с ворохом купюр, полученных на сдачу, подмигнул и сказал:

— Что, брат, рублевая зона?

От мамы иногда с оказией приходила сотня-другая, это было хорошим подспорьем.

Нужно было сделать ремонт, но не было ни денег, ни стройматериалов. Последний ремонт делал еще дед за год до смерти, прошло уже лет двадцать, и географическая карта протечек и аварий украсила потолок кухни. Да и мелкие землетрясения, которые не прекращаются здесь никогда, словно пером, нанесли узоры мелких трещин на стены.

Перестали приходиться медицинские журналы — то ли не выходили, то ли их не слали. Стали исчезать лекарства, в том числе и те, которые Борис прописал Екатерине Владимировне. Заменители действовали странно: давление то на несколько дней взлетало до двухсот, то вдруг падало почти до коллапса.

А после ферганской резни сама ткань жизни сделалась зыбкой, ненадежной.

15.

Ирина рвалась в Израиль. По ночам она уговаривала Бориса, объясняла грядущие преимущества.

Уехал Рувим Моисеевич, заведующий второй терапией. Засобирался Мишка. Рубен готовился переезжать в Москву, у брата жены там был стабильный для начала 90-х бизнес, и ему нужны были помощники. Уехали соседи с первого этажа, на их место вселилась узбекская семья, приветливые улыбчивые люди с детьми-подростками. Говорили, что это был непервый секретарь сурхандарьинского обкома, переведенный в Ташкент, в центральный аппарат. Калашников уехал в Ленинград.

Ритка Гальперина позвала на отвальную. С отъездами это архаичное слово, означающее предотъездное застолье, снова вошло в оборот. Столы расставили под орешинной во дворе на Кары-Ниязова. Делали плов на открытом огне. Много пили. Много говорили тостов. Особо восхваляли Риткиного отца, профессор Гальперин много лет возглавлял кафедру в институте усовершенствования врачей.

— Как на поминках, — прошептал Борис.

А когда вернулись домой, сказал бабушке:

— Ну что, баронесса, поедешь к евреям?
— С тобой, Боренька, конечно, поеду, — ответила Екатерина Владимировна быстро и просто. Вопрос явно не застал ее врасплох.

Часть третья

1.

Самолет из Будапешта приземлился в Бен-Гурионе ближе к полудню.

Несколько часов заняло стояние в очереди, получение синей книжечки «Удостоверения репатрианта» и денег.

— Си-нель-шиков? — переспросил смуглый парень, заполнявший бумаги. — Очень сложная фамилия. Тебе будет трудно. Как была фамилия твоей жены?

— Зильберштейн.

— А бабушки?

— Бург.

— Хорошие фамилии. Подумай.

2.

Еще в Ташкенте долго рядили, куда ехать. Существовала какая-то двоюродная сестра деда, которая в Липовце примкнула к сионистам и укатила с ними в Палестину, но ни нынешней ее фамилии, ни адреса баба Катя не знала, а спросить было некого.

Бабушка сказала:

— Жить нужно в столице.

Боря считал, что столица — Тель-Авив, но в цветастой толстой брошюрке «Алия» было сказано, что Иерусалим. Звучало солидно. «Ненавидимый прокуратором город». Вообще, в знании о Земле Израиля книга Булгакова занимала краеугольное место.

Когда спросили: «Куда?» — дружно ответили: «Иерусалим».

3.

Вместе с черными дерматиновыми баулами, которые шила для отъезжающих оборотистая артель где-то за Келесом, они вчетвером заполнили машину, которую в прежней жизни называли «рафиком», а в новой — будут называть «минивеном». Ехали на закате, за развязкой Шаар Агай дорога стала резко подниматься вверх, среди гор, поросших лесом. Все сидели поодиночке и молча смотрели в окно, только Аня прижалась к отцу и уснула, переполненная впечатлениями. Минивен доставил их в гостиницу «Бат Шева» на улице Кинг Джордж.

«Дочь семи», — сказал Борис, он ходил на курсы иврита и знал десятка два слов.

Прибывающих уже было не так много, как в конце 1990-го, поэтому они получили два смежных номера. В лобби был накрыт стол, на котором стояли пластиковые стаканчики с оранжевым сладким питьем и длинным волнистым печеньем, обсыпанным кунжутом.

Пройдет немного времени, и Борис узнает, что Бат Шева — это не «дочь семи», а Вирсавия, жена царя Давида и мать царя Соломона, что Кинг Джордж — это Георг Пятый, дед нынешней английской королевы, и улица его имени — единственная, сохранившая свое имя со времен британского мандата. Он еще узнает, что волнистые печенья называются марокканскими, а кунжут здесь зовут сум-сумом, тем самым «сим-симом», который открывал пещеру с сокровищами.

4.

На следующий день все вместе вышли в город. Пошли открывать счет в банке. Гуляли по пешеходной улице Бен-Иехуда, размашисто сели за столик под большим зонтом, решили поесть мороженого, плохо понимая, какой будет счет и хватит ли у них денег за него расплатиться. Заказывала Ирина, по-английски. Ее английский здорово помогал и в банке, и на улице.

5.

Через неделю сняли четырехкомнатную квартиру в районе Кирят-Ювель, на улице Уругвай. Рядом с домом стояли высокие старые сосны. Такие же, как на Пятаке в ТашМИ. Про плиточные полы Синельщиковы были предупреждены и достаточно легко такое новшество приняли. Про бойлеры, которые грелись от солнца, а в пасмурные дни нужно было не забывать включать электрический нагрев, им объяснили. Но дни стояли солнечные.

Какие-то бравые ребята привезли мебель: кровати, обеденный стол, простые стулья. Сказали, что с «олимовского склада». Вообще они ощущали вокруг себя много доброжелательного ритуала. В словах и в действиях. Соседи снизу, восточного вида люди, с которыми Ирина говорила по-французски, английского те не знали, принесли комод с выдвигаемыми ящиками и дачный столик, ему нашлось применение на кухне.

С «олимовского склада» Борис уже сам потом привез два платяных шкафа. В магазинчике, в подвале возле «Машбира», у быстрогоговорливого продавца они купили телевизор и холодильник по олимовской скидке. В подарок за большую покупку дали небольшой пылесос. Пылесос оказался самым стойким и прослужил больше двадцати лет.

6.

С первого сентября стали ходить в ульпан — курсы иврита для новых репатриантов. Екатерина Владимировна тоже выразила желание учить язык, и ее записали в ульпан для пожилых в районном культурном центре-матнасе, носившем имя Филиппа Леона. Борис даже пытался узнать кем был этот неведомый Филипп, но безуспешно. Аня пошла в первый класс. Борис с Ириной ездили двумя автобусами через весь город в ульпан Тикватейну для молодых и амбициозных. Он находился за центральной автостанцией — таханой мерказит в переулках Ромемы, старого иерусалимского района на въезде в город со стороны Тель-Авива.

Аню из школы забирала бабушка. Первый класс ее был особый, для репатриантов: много иврита, мало других дисциплин, много

игр и экскурсий. По родительским представлениям, Аня была еще очень мала для школы. Шесть ей должно было исполниться только в конце сентября. Борис вспомнил свою 146-ю, он тоже был в классе самым младшим. Но Ане в школе нравилось, хотя дома, с бабой Катей, было, конечно, лучше.

Шаг за шагом они привыкали к новой жизни, старались понять ее правила, ее внутреннюю логику.

Борис обнаружил, что, в отличие от Ташкента, где базар был синонимом благополучия, покупки на рынке Махане-Иехуда делают те, кто победнее, те, у кого времени больше, чем денег.

7.

Контора, занимающаяся приехавшими на историческую родину евреями и их семьями, называется не очень ловко «министерством абсорбции»: тройная калька — иврит-английский-русский — не могла дать живой результат. Но если некоторое время повторять это неуклюжее название, то просто перестаешь его замечать.

За людей с высшим образованием в иерусалимском отделении министерства абсорбции отвечала немолодая дама по имени Лариса. Лариса приехала в 70-е, то есть лет за двадцать до волны 90-х. Она неплохо говорила по-русски, но плохо умела скрывать неприязнь к новым израильтянам. От Ларисы Борис узнал, что в январе в больнице Адасса открываются курсы подготовки к экзаменам на врачебную лицензию.

В январе Борис стал ездить на учебу в Адассу. Ирина продолжила занятия в ульпане, но с весны параллельно стала ходить на интервью к потенциальным работодателям. Летом она вышла на работу в компанию, торговавшую технологией и оборудованием для капельного орошения, израильского изобретения, завоевавшего почти весь мир, а теперь старательно затушевывающего множество стран, разом образовавшихся на месте развалившейся советской империи.

Адасса произвела на Бориса сильное впечатление. Она показалась ему огромной и очень рационально устроенной. Городской автобус делал на территории больницы три остановки. Как боевой конь, почуявший звук полковой трубы, он возбудился, почувство-

вав больничный дух. Ему очень хотелось приходить сюда врачом. Но он понимал, как далека и трудновыполнима его мечта.

8.

Группа была большая, человек сорок, с широким разбросом возрастов, географии, врачебных специальностей. Были совсем юные, вчера из института, и тертые, битые врачи высшей категории, были уроженцы Грузии, Таджикистана, Литвы, Бразилии, Франции.

Разный опыт, разный темперамент и общее стремление — как можно быстрее вернуться в профессию. Все делились друг с дружкой тестами, реконструкциями экзаменов, какими-то особо толковыми книжками, ибо за короткое время нужно было достичь нормального уровня в дисциплинах давно забытых, а может быть, и выученных тяп-ляп, например — психиатрии.

Рита Гальперина отдала много книг и конспектов. Она жила в Беэр-Шеве, сдала экзамен и должна была начинать резидентуру в местной больнице.

Борис с интересом наблюдал, как Марк, слушая лекции на иврите, переспрашивал по-русски, чтобы законспектировать по-литовски.

Улыбчивый увалень Сережа, хирург из Саратова, спрашивал на лекции по психиатрии:

— Ребята, а что такое это самое «либидо»?

Увидев отведенные взгляды и услышав сдавленное прысканье, бубнил, оправдываясь:

— Поверите, забыл. Там знал. Здесь — забыл.

Когда на перерыве кто-то к слову рассказал безобидный грузинский анекдот, все выходцы из Грузии встали и вышли из аудитории.

— Грузинская фракция покинула заседание Думы, — пробормотал ироничный Фима из Винницы.

Но Борис что-то понял дополнительное про грузин. Понял и наматал на ус.

9.

В апреле, когда все отогрелись от небывало холодной и снежной даже для Иерусалима зимы, когда стала выгорать зазеленевшая в феврале трава на пустошах в Долине Креста и на склонах между деревьями Эйн-Карема, снова возник в их жизни Игорь Бершадский.

Надо сказать, что с началом Ирининой работы отношения в семье изменились. Положенные репатриантам выплаты, именуемые «корзиной абсорбции», закончились, но фактически они продолжали получать те же 750 шекелей, уже в качестве стипендии Бориса. Полагалась добавка от министерства строительства на съем квартиры. Борис стал работать ночным охранником в ешиве. Дежурства были спокойные, удавалось заниматься и даже украдкой поспать. Учащиеся не очень-то куролесили, после часу ночи дверь запиралась до утра. Приработок, бабушкино пособие и стипендия обеспечивали скромное существование.

Ирин заработок вдвое перекрывал эти поступления, тем более, что как только он стал поступать на их совместный счет в банке Леуми, сразу прекратили платить стипендию: для государства из беззащитных новичков они перебрались в разряд обустроенных работников.

Ире выправили в «Марксе и Спенсере» несколько костюмов для представительских функций. Косметика была привезена в багаже, перед отъездом на вырученные от продажи имущества деньги был куплен запас французской парфюмерии, еще неподдельной в ту пору.

Жизнь семьи стала зависеть целиком от интересов Ирины. Занятия Бориса, подготовка к экзамену стали чем-то не очень важным, второстепенным. Ирина словно квиталась с ним за какие-то давние обиды. Он чувствовал это и не мог понять. Он считал, что относился к жене уважительно. Даже подчеркнуто уважительно, как бы компенсируя этим недостачу любви в их отношениях. Так женщина бывает преувеличено добра к ребенку мужа от предыдущего брака.

В это время как-то незаметно, не в один день возник Игорь. То есть когда Борис осознал его присутствие, тот уже давно был. Каким-то образом участвовал в их жизни, что-то устраивал, советовал. И при этом Борис его ни разу с ташкентской поры не видел.

10.

Экзамен на врача был назначен на июль. Проводили его в Тель-Авиве, в выставочном комплексе «Ганей Тааруха». Эта обыкновенная сохранилась с 1990 года, когда на экзамен за раз являлись несколько тысяч выпускников советских мединститутков и заполняли несколько огромных залов. Сейчас зал был один, правда, самый большой.

Перед началом Борис столкнулся с Рафиком Ниязовым, с которым работал в «неотложке», тот был хирургом.

— Всегда сдавал во втором зале, — сказал Рафик. — А сейчас загнали в первый.

Борис пробормотал что-то и убежал, словно боясь заразиться от Рафика вирусом неудачи.

11.

Результаты обещали прислать в течение месяца. Знающие люди учили, что ответ приходит по почте в виде заполненного текстом листа формата А4. Прочитать лист на иврите может занять час или больше, и, чтобы не помереть от волнения, читая, нужно понять два первых слова. Если письмо будет начинаться «ану смехим» — «мы рады», сдал. А если «ану мицтаарим» — «мы сожалеем», иди готовься дальше.

После экзамена наступила легкость необычайная. Сразу оказалось море свободного времени. Борис делал уроки с Аней. Ходил с ней гулять к Чудовищу — огромной горке в виде головы страшного монстра, у него было несколько языков-горок, по которым скачивалась окрестная малышня — или на зеленые лужайки парка в Рамат-Дении. Собрал старый книжный шкаф, приехавший в багажном контейнере, стал расставлять книги, прибывшие вместе со шкафом. Там же увидел серый дедовский молитвенник 1902 года, ускользнувший от строгого глаза таможни.

12.

Когда Ирина предложила «поговорить серьезно», Борис не удивился, он был внутренне готов к такому повороту. Но все равно душа содрогнулась.

— Но я надеюсь, мы останемся друзьями, — сказала в конце разговора Ирина.

Они сидели на скамейке в парке Рамат-Дения, есть там такие спокойные скамейки в боковых аллеях.

— Ага, — ответил Борис, — не разлей вода.

В начале августа Ирина с Аней переехали в Бат-Ям, к Бершадскому. Борис даже помог снести черные баулы, те самые, что шили бедовые артельщики за Келесом, и помог их запихнуть в багажник «Даятцу-Аплауз» Игоря. Поцеловал, прижал к себе притихшую Аню и быстро ушел в подъезд.

Борис не ощущал свой брак особо удачным, не было между ним и Ириной большой любви. Но десять с лишком лет, прожитые бок о бок, общие беды, общая дочь, переезды, потеря страны и дома, казалось, все ближе притискивали их друг к другу. Вышло, что нет. В жизни образовалась вдруг огромная пустота, полость.

Екатерина Владимировна горевала сильно, но виду не подавала, ей не хватало правнучки, с которой она была близка последние годы.

— Не убивайся, бабуля, — сказал Борис. — Аня все равно останется нашей девочкой.

— Нашей девочкой она не останется, — неожиданно жестко сказала баба Катя. — Вырастет, поймет, примет. Но девочкой она будет тех, кто целует ее перед сном, завтраком кормит, лоб губами щупает.

13.

В конце августа прислали результаты экзамена. «Ану смехим» — «Мы рады сообщить» начиналось письмо. Радости не было, то ли из-за опустошения от достигнутой цели, то ли из-за мучительности последних недель. Так, выпили с бабкой по рюмочке. Екатерина Владимировна испекла сливовый торт.

Первого ноября Борис вышел на работу, во второе терапевтическое отделение иерусалимской больницы «Врата правды». Зарплату, а вернее стипендию ему платило министерство абсорбции и обязалось платить в течение целого года.

Ему здесь все нравилось: склад, где выдавали халаты, ячейка для писем в ординаторской с его непростой для ивритского уха фамилией, врачи, сестры, «русские» санитары с высшим образованием и арабские уборщики.

Профилем отделения была гематология, примерно половина пациентов лежали с проблемами крови. И постепенно, но довольно быстро стало выясняться, что Борис не понимает той скороговорки, на которой делаются отделенческие обходы, не знает болезней, о которых идет речь, не может быстро, летяще, как делают другие младшие врачи, заполнить историю болезни и набросать за пару минут выписной эпикриз. Только кровь на анализы он брал хорошо: после тупых игл «неотложки», одноразовая игла, казалось, сама находила вену.

14.

— Ты не представляешь, кого я встретила в Эйлате! — кричала в трубку Ритка.

Ее впервые послали на ежегодную конференцию, которую проводила для своих врачей больничная касса, поселили в новенькой гостинице «Принцесса». Рита вернулась в большом воодушевлении.

— Я встретила твою Свету! — победно закончила она.

Борису понадобилось сглотнуть внезапно пересохшим ртом.

— Как?

— Никак! Она уже десять лет живет в Хайфе.

— Каким образом? Ничего не понимаю...

— Ты Алладина помнишь? Ты думаешь он кто, саудовский шейх? Ага, как же! Он обычный израильский араб, который учился в эсэсере, каная под угнетенного и обездоленного. А после учебы вернулся на хайфскую свою виллу, но уже вместе со Светкой Сеницыной. Слушай, она такая дама, только держись. Старший врач, главная в северном округе по эндокринологии. Про тебя, кстати, спрашивала. Хочешь, ее телефон дам? Хочешь? Она мне свою визитку оставила, а еще...

Борис записал номер на счете за электричество, ждущем оплаты на телефонном столике.

15.

Борис стоял на остановке возле центральной автостанции, под иерусалимским дождем — большим специалистом по превращению зонтов в вороньи трупики, которыми усеяны зимой тротуары этого города; стоял и пытался, как ребенка, огородить собой от дождя букет венозно-красных длинноногих роз. Белая «тойота королла» притормозила, и сидевшая за рулем женщина помахала ему рукой, мол, садись быстрее. Промокший, он плюхнулся на переднее сидение.

Раньше, чем он ее разглядел, он почувствовал запах, это был ее запах, запах ее волос, пробившийся к нему через духи, автомобильную отдушку, почти двадцатилетнюю разлуку. Он понял, что всегда помнил его и искал.

— Привет! — хриловато сказала Света. — Поехали греться. Я знаю хорошее место.

Хорошее место оказалось рестораном «Анашим» — «Люди», в лесистом Эйн-Кареме. Было пустовато, зима. Борис еще не бывал в израильском, не «русском» ресторане. Им дали маленький столик на втором этаже в углу у полукруглого окна. В небогатом свете зимнего дня они стали внимательно разглядывать друг дружку. Борису она казалась еще красивее: высокая шея, лицо, излучавшее свет и покой. Короче, кто возьмется описывать смятение чувств взрослого, повидавшего виды мужчины, если он, как юноша, видит только то, что хочет видеть...

Она сделала заказ, на хорошем иврите пошутила с молодым, гибко-расхлябанным официантом. Тот белозубо осклабился в ответ.

Принесли горячий хлеб-фокаччу и блюда с оливковым маслом, размолотыми маслинами и сушеными помидорами. Они пили красное вино и говорили, не могли наговориться. Света расспрашивала о родителях и о бабе Кате, о Ташкенте, о прежних однокурсниках, о нынешней работе. Рассказывала, что не знала, куда едет. Рассказывала, каким был Израиль пятнадцать лет назад. Как учила арабский, чтобы с его родителями разговаривать, а потом —

иврит, чтобы врачом работать, ну и английский — экзамены сдавать, на стажировки ездить по миру.

— С Алладином мы тихо расстались, года через три, когда он понял, что детей у нас не будет. Семья настаивала, да и он не сопротивлялся: тяжело ему было со мной.

— Ты покрестилась в ислам?

— Обошлось без этого. В Ташкенте-то Алладин был коммунистом: бухал, трахался, пока в меня не влюбился. Мусульманином он снова стал уже в Хайфе. Братья косились. Осуждали его. Наверно. Я не слышала. Но чувствовала. Но главное — детей не было. Я сняла квартиру на Кармеле, я уже привыкла жить здесь. Потом, это был разгар резидентуры, сутками из больницы не выходила.

— Резидентуру ты закончила? — спросил Борис.

— Боренька, я все свои экзамены уже сдала.

16.

Борис заплатил по счету новенькой, еще не утратившей блеск кредиткой, настоял на этом. О пробоине в бюджете не думал — какие деньги, когда вся жизнь пульсирует сейчас здесь, трепещет на острие. Но чаевые оставит она — и белозубый официант получил много больше, чем ожидал. Это сохранилось из жизни, проведенной с узбеками: деньгами отводить сглаз от счастья.

— Поехали ко мне, — предложил Борис не очень уверенно.

— Нет уж, — ответила Света. — Бабу Катю отложим на другой день. Я еще встречу с тобой не пережила. Поехали-ка лучше, позаботимся о ночлеге.

17.

Гостиница «Ариэль» находилась в самом начале Хевронского тракта. Удвоенные полукружья белого фасада намекали на скрижали Завета.

— Боря, ты меня еще помнишь? — спросила она, оплетая его руками и ногами.

— Да я никого и не помню, кроме тебя, — выдохнул он ей в ухо.

Утром они стояли голые, в номере было сильно натоплено, и смотрели в окно, на проступавшие из рассветной ваты стены Старого города, афишную тумбу монастыря Дормицион, Масличную гору с переизбытком иудейских и христианских святынь. Дождь кончился.

Он не знал, что называется счастьем. Может быть, вот такое состояние полного соответствия самому себе, внутренней и внешней равновеликости и абсолютной свободы, которые он ощущал, прижимая к себе эту женщину.

Послесловие

К доктору Борису Бургу, кардиологу в нашей поликлинике, я записался на прием с жалобами на ощущение собственного сердца, которого не чувствовал прежде.

Мы обнялись, ведь не встречались уже больше двадцати лет, с ташкентской поры.

Он рассказал мне про всех. У Нодира пятеро внуков, заведует отделением. Рубен стал заправским москвичом, но медицину оставил. Петя Калашников умер несколько лет назад от ураганного рака легких. Альфия давно живет в Бельгии, на связь не выходит. Ритка развелась, работает семейным врачом, недавно выдала замуж дочку. С Мишкой он не видится, хотя тот здесь где-то неподалеку. Как-то пересохла дружба. Все строит из себя писателя, хотя уже не мальчик, мог бы и угомониться.

Екатерина Владимировна похоронена на немецком кладбище в старом иерусалимском районе Мошава Германит. Аня демобилизовалась и уже полгода бродит по Южной Америке. Мама с мужем приезжают каждый год, им нравится гостить в Иерусалиме. У Иры с Бершадским дочь, зовут Николь.

Со Светой они поженились. Съездили на Кипр, он настоял. Все эти годы лечились, пытались родить. Но не произошло.

— На этот фильм мы опоздали, — сказал Борис.

Окончание разговора он скомкал, в коридоре томились пациенты, ожидавшие приема.

